

Николай БРЕННИКОВ

*
Глаз у меня чёрный,
хлеб у меня чёрствый,
нрав у меня вздорный,
нож у меня острый.
Жил бы себе в пуще,
спал бы себе в чаще –
полюбили б пуще,
вспоминали б чаще.

*
Ямщик, погоняй лошадей!
Катай их по всем четырём,
а счастье потеряно где –
вернёмся, потом подберём.
Смотри, в перелеске заря
и день занялся молодой,
и Господу благодаря
дорога видна, как ладонь.
Ух, воздух морозный, звеня,
срывает напрасную речь...
Ямщик, погоняй, погоняй,
нам нечего больше беречь.

*
Васька каяться решил –
мол, изрядно нагрешил, –
и в Ёрусалим собрался помолиться от души.
И отец не убедил
каяться, где наследил:

«Людам кайся прежде Бога, себе под ноги гляди, –
хоть цена тебе пятак,
пропадёшь за просто так,
вот тебе святое слово – сломишь голову в кустах».
Васька плюнул старику
(чиста правда, что реку)
и из Каспия скрозь горы переплыл в Ёрдань-реку.

Вот уж парень ликовал,
ликовал-козяковал:

«Я, – мол, – Васька Новгородский! не убьёте наповал!
Мне, – мол, – всяко по плечу!

И покаяться хочу,
и монахов поувечу, и черницам засвечу!..»

Ах ты, братья, караул!

Васька голову свернул –
оступился, вышиб душу – камень не перешагнул,
помер за пожалуйста.

Это, братья, неспроста.

И лежит теперь на Ваське камешек взамен креста.

*
Ясные красавицы, славные цыгане,
соберём зелёный цвет под глухой мотив –
искупать любимую в некрещённой бане,
приворотным варевом лавки окатив.

Девочки-воровочки, тётки-ворожеи,
не мытьём, так катаньем мы её проймём:
запряжём каурую с лентами на шее,
увезём над берегом в белый окоём.

Горькая Марусенька, Муза моя, Муза,
где же кружка, милая, у кого найти?
отчего мы, бедная, мукой как союзом
мечены-повенчаны? Господи прости...

*
Выбралась к солнышку на крыльцо,
 руки подставила и лицо
 тёплому свету:

«Господи Боже мой! Хорошо».
 Если бы кто-то сейчас пришёл –
 нету как нету.

Господи Боже мой! Был ведь срок,
 переползала этот порог
 малой девчонкой.

«Помню», – подумала. А потом
 ясной невестой была и дом
 песнею звонкой
 встретил её, молодым зерном
 их осыпали, и здесь оно,
 под половицей...

«Господи Боже мой! Почему?..»
 Выбралась к солнцу – глядит во тьму,
 платье пылится.

*
Я никогда не видел дирижаблей,
 величественных пузырей пространства,
 летающих без ведомой причины.

Но я однажды, в очень раннем детстве,
 увидел зонд, огромный серый кокон,
 за нашей оградой проплывавший
 над всем заводом, университетом,
 рекою, лесом, – а усадьба наша
 стояла на холме, – а он плыл мимо.
 И вот он уплывает, странный образ,
 который я хочу перевести
 спокойными и ясными словами,
 простыми, как яйцо.

Наверно, мне поэтому близка
 поэзия эпохи дирижаблей.

1

Жил-был Васька Пахаев, охальник и вор,
 он от виселицы перекладину спёр.
 Он отнёс её, Васька, в кабак на Морском,
 он загнал её, парень, как будто хомут,
 он залил свою радость винцом да потком
 и покаялся, пёс, неизвестно кому.

А я пил там однажды с убитым лицом,
 наливался, соколый, дышал в рукава
 и увидел на балке врезное кольцо,
 чтобы, значит, – петля, а потом голова.
 Ишь, какие пекутся у нас пироги –
 ешь за милую душу, язык не сожги!

2

О Боге возговоря,
 помолимся трын-траве.
 Теперь у нас два царя,
 теперь у нас правды две.

Висели в петле пятаю.
 Ой, малый мой молодой!
 Кому пирог с лебедью,
 кому с лебедой.

Не мыто, а катано,
 нечёсано, сечено.
 Былое обсказано,
 обдумывать нечего.